

МАРКСИСТСКИЕ СТРАДАНИЯ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Владимир Прохорович Булдаков

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник

Института российской истории РАН.

E-mail: kuroneko@list.ru

MARXIST UNHAPPINESS OF RUSSIAN MENTALITY

*Vladimir P. Buldakov*Doctor of history, chief researcher
of the Institute of Russian history, RAS.

E-mail: kuroneko@list.ru

Автор концентрируется на особенностях рецепции российской интеллигенцией взглядов К. Маркса. Показано, что в этом сыграла решающую роль не теория, а утопическая часть (коммунизм) его учения. На это наиболее остро реагировали представители интеллигенции. Первоначально это были народники, надеющиеся, что Россия избежит «ужасов капитализма». Затем их сменили люди, рассчитывающие на «спасительную роль» экономического прогресса. Их сменили социал-демократические доктринеры. Показано, что каждому направлению российского марксизма соответствовал определенный тип психической рецепции. В конечном счете российская революция произошла не по Марксу, а по законам социально-бунтарской синергетики. Это не помешало победившим большевикам внедрить в сознание масс марксистский образ советской действительности.

The author focuses on the peculiarities of the reception of Marx's views by the Russian intelligentsia. It is shown that not the theory, but rather the utopian part (communism) of his teaching played a decisive role in this. It was the most sensitive members of the intelligentsia. Originally they were populists hoping that Russia would avoid the "horrors of capitalism." Then they were replaced by people counting on the "saving role" of economic progress. At last both were substituted by social democratic doctrinaires. It is shown that each trend of Russian Marxism corresponded to a certain type of mental reception. Ultimately, the Russian revolution took place according not to Marx, but to the social-rebellious synergy. This did not prevent the victorious Bolsheviks from introducing the Marxist image of Soviet reality into the minds of the masses.

Ключевые слова: Марксизм, ментальность, К. Маркс, Россия, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. А. Богданов (Малиновский), П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, И. В. Сталин.

Keywords: Marxism, mentality, Marx, Russia, V. I. Lenin, L. D. Trotsky, A. A. Bogdanov (Malinovsky), P. B. Struve, N. A. Berdyaev, I. V. Stalin.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-3-31-47

Среди многочисленных юбилеев прошлого и нынешнего годов как-то затерялась одна многозначительная дата — 200-летие Карла Маркса. А зря! Некогда Ленин заметил, что Россия «выстрадала марксизм». Сегодня это высказывание выглядит злой иронией: мы все еще «страдаем» от марксизма, точнее, его вульгаризированного подобия. Дело вовсе не в коммунистах. Парадокс (обычный для истории идей) в том, что даже застарелые «антимарксисты» остаются в тисках «марксистского» образа мыслей.

Марксизм больше чем учение. В данном случае речь пойдет не о его «достоинствах» и «недостатках» — этим и без того занимались и занимаются более столетия. Важнее другое. «Чтобы понять силу политических мифологий, заполнивших собой XX столетие, надо вернуться ко времени их зарождения или хотя бы молодости: только так мы можем составить представление об их былом блеске... Следует не столько разбирать свалку мертвых идей, сколько обратиться к тем страстям, которые придавали им силу», — отмечал Ф. Фюре. Всякая эпоха порождает и порождает свой набор интеллектуальных пристрастий. По мнению Фюре, «из всех страстей, разрывавших вскормившую их грудь современной демократии, самая мощная — ненависть к буржуазии» (Фюре, 1998: 18, 21). Люди легко поддаются непреложным «истинам», впадают в квазирелигиозные соблазны, упорствуют в догмах, однако с трудом разбираются в истоках былого ослепления и отупения. Проще ненавидеть — особенно во времена, располагающие к этому.

Вскормить сфокусированную ненависть к «чужому» помог Карл Маркс. Свой главный труд — «Капитал» — он считал самым страшным снарядом, когда-либо пущенным в голову буржуа. С этим трудно не согласиться. Страсть отрицания способна бесконечно возрождаться в новых поколениях — подчас в неожиданных формах.

Сам по себе марксизм как теория ни плох, ни хорош — в иные времена он мог остаться одним из памятников человеческой мысли. Однако он стал подобием светской религии или религиозной схизмы, демонстративно отвергая основы и Ветхого, и Нового заветов. Во имя чего? Во имя страстного — *религиозного по существу* — бунта против не оправдавших надежд

старых богов. И этот феномен был подготовлен всей «антирелигиозной» эпохой Просвещения.

Этому были свои — социопсихологические, а не просто «материальные» предпосылки. Во времена латентно нарастающей нестабильности внутри «застойных» систем личности диссипативного склада рвутся на поиск «своих» богов, точнее, идолов. Маркс предугадал появление невиданного ранее объекта поклонения — заземленного божества, именуемого пролетариатом. Однако этот общеевропейский феномен, вызванный прогрессом индустриализма, почему-то особенно заметно сказался на периферии капитализма — в «аграрной» России, волей-неволей становившейся промышленной.

В наше время не верят в кризисное состояние предреволюционной России только замшелые конспирологи (включая бывших «марксологов» и преподавателей «научного коммунизма»). Всякая революция имеет свои *духовные* предпосылки. Принято считать, что Английская революция была связана со своеобразным прочтением Библии, Французскую подготовили радикальные последователи просветителей, призвавшие «раздавить гадину» — католическую церковь (в том числе с помощью вызывающей обрядности). В основу революции в России было положено учение Маркса, по-своему — с яростью неопитов — интерпретированное в духе тотального разрыва с «империалистическим» прошлым.

Возникает вопрос: почему такое случилось? Хотя о Марксе и марксизме написаны тысячи томов, вопрос, почему учение именно этого немецкого мыслителя имело невероятный успех именно в нелюбимой им России, остается без вразумительного ответа.

Бесполезно и нелепо сводить исторический процесс к рациональному воспроизводству или извлечению из прошлого «полезных» идей и идеологий. Слабые людские умы не умеют адекватно переводить язык гениев — мешают факторы, смущающие человеческое сознание. Иногда — чрезмерно.

Вторжение марксизма в Россию не случайно совпало с общеевропейской технологической революцией; наиболее ощутимой и психически действенной ее частью стала революция информационная. Потребность людей в вере многократно возросла — ощущение тотальной нестабильности взывало к новым, при этом *научообразным* утопиям. «Социальная философия Маркса была вызвана к жизни громадной массой противоречий, в которых запуталось современное ему человечество в сфере познания самого себя, своей общественной природы» (Богданов, 2016: 272), — к такому заключению придет выдающийся (тоже марксистский) ум своего времени А. А. Богданов (Малиновский). Можно предположить, что русской интеллигенции *in corpore* пришлось пережить нечто изоморфное былым переживаниям Маркса.

Будущий изобретатель «научного социализма», несомненно, был диссипативным пассионарием, остро ощущавшим потребность в «своей» вере. В 1837 г. выпускник гимназии Карл Генрих Маркс написал сочинение «Единение верующих с Христом по Евангелию от Иоанна». Возможно, его уже тогда особо волновала проблема рецепции веры, что характерно для амбициозных претендентов на внедрение «истины». Будучи оптимистом, как и полагалось в век Просвещения, он жаждал соответственной веры, надеясь (пока) обрести ее в христианстве. Не исключено, что за этим таилось подсознательное стремление порвать с духом «застойного» талмудизма (он происходил из семьи потомственных раввинов), от которого с большим трудом открещивался его отец-адвокат, сумевший перейти в лютеранство лишь после смерти матери — ортодоксальной иудейки. Прежде чем стать новым «мессией», следовало убить старых богов в самом себе.

Возможно, эпистемологические корни марксизма еще глубже. Согласно Р. Нисбету, «именно в христианстве, в результате судьбоносного союза иудейской и эллинской мысли, идея прогресса получила ту форму и содержание, которым суждено было войти в мир современности: видение человечества, находящегося в необходимом поступательном движении, переходящем от этапа к этапу, от примитивного прошлого к светлому будущему, и весь этот процесс является реализацией изначального плана Провидения». При этом в даже эпоху Просвещения «идея прогресса сохраняла тесную и глубокую связь с христианством», а в XIX в. находились десятки авторов, готовых сделать из христианства или его суррогата «краеугольный камень своей веры в прогресс» (Нисбет, 2007: 527). Возможно, так и было: всякие верования и идеи бесконечно переплетаются, а агрегированные людские «догадки» словно дожидаются своего «пророка».

Как бы то ни было, в напряженной интеллектуальной атмосфере XIX в. из пассионарного выкреста вряд ли мог выйти примерный христианин. Скорее мог получиться ниспровергатель всех и всяческих богов.

Марксизм в исходных установках превратно религиозен. На место страдающего бога в нем поставлен «угнетенный пролетариат» — новый мессия, который, как ожидалось, революционным путем из «последних станет первым». В пролетарском интернационализме, как и в христианстве, «нет ни эллина, ни иудея». Но солидарность достигалась не братской любовью, а насильем против «насильников». Как ни парадоксально, идеология прогресса вступала в период социально утопического существования, «диктатура разума» превращалась в диктатуру идеи.

То, что «научная доктрина» Маркса религиозна по структуре, одним из первых подметил С. Н. Булгаков, выходец из священнической семьи, также ри-

нувшийся на поиски новой веры, но не сумевший укрепиться в ней и ставший в конечном счете православным священником. Его критика Маркса выглядит несколько однобокой. Он осуждал, по преимуществу, антигуманный атеизм нового учения, не замечая или не решаясь признавать в нем черты нового верования, по-своему предугадавшего устремления грядущей эпохи. Между тем революционный прогрессизм Маркса в эпоху «больших ожиданий» подпитывался миллениаристской верой в тысячелетнее царство коммунизма. Тогдашний капитализм казался земным исчадием ада, которому в сознании и душах людей могла противостоять только его полная противоположность.

Бывают времена, когда даже самые трезвые умы словно впадают в ослепление, выдаваемое за «просветление», а затем следуют инерции «случайного» выбора. Некоторые из них принимают упорно доказывать правоту своего «судьбоносного» решения. Легче всего это удастся тогда, когда формально-логическую аргументацию незримо подпират утопия. «Мы должны констатировать, — писал Булгаков в 1906 г., — что наиболее глубокое, определяющее влияние Маркса на социалистическое движение в Германии, а позднее и в других странах, проявилось не столько в его политической и экономической программе, сколько в общем религиозно-философском облике» (Булгаков, 1990: 338). Действительно, доктор Маркс, начавший как революционный романтик, все силы бросил на главный труд своей жизни — «Капитал» — сочинение дотошное, претендующее на всеохватность. При этом обличение капиталистической действительности производило поистине завораживающий эффект. Такое обычно относится к области философии чуда.

Парадоксально, но Маркс был переведен в первую очередь в России — при этом отнюдь не марксистами, а народниками. Разоблачение ужасов эксплуатации пролетариата оказалось выгодно людям, рассчитывающим избежать «зловредного» капитализма. Для них марксизм был полезным заблуждением или своевременной подсказкой. Один из ортодоксальных современников-марксистов заметил, что «социальная функция идеологии и состоит в том, чтобы создать... “мечту”, разукрасить ее, сделать богатой, сложной, со многими “щупальцами”, проникающими в мозг и душу внушаемого» (Юшкевич, 1912: 18). С другой стороны, Маркс увлекал и тех, кому не нравилась крестьянофильская сентиментальность народничества, расплывчатость его программных установок.

Всякую утопию обычно выдавливает из сознания другая утопия. Без социально-утопического компонента своей теории Маркс остался бы рядовым экономистом эпохи. Вместе с тем он был человеком потрясающей работоспособности и выдающейся эрудиции. Это позволяло имплицитно и эксплицитно заимствовать те или иные нужные идеи и теории, включая яростно опро-

вергаемые. Так, трудовую теорию стоимости — ядро его социально-революционной философии — создал не он, а Д. Риккардо. Поэтому не случайно, что еще до первого русского перевода, осуществленного народниками, в России появился «катедер-марксист» — Н. И. Зибер (1844–1888), автор диссертации, превратившейся в книгу «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» (защита диссертации состоялась в 1871 г., а книга вышла в 1897 г., уже после смерти автора). Он настаивал, что «теория происхождения чистого дохода, или прибавочной ценности, в связи с общей теорией ценности, представляет ядро всего сочинения “Капитал”, дальнейшее содержание которого является не более как развитием деталей и усложнений той и другой» (Зибер, 1937: 303). Зибер пропагандировал идеи первого тома «Капитала», однако в третьем Маркс «опроверг» самого себя: прибыль привязана к рыночной конъюнктуре. Время показало, что наукоемкие производства вообще снимают проблему эксплуатации труда — уместнее говорить об «эксплуатации мозгов».

Чтобы соединить утопию с наукой, требовался «характер». «Характерной особенностью натур диктаторского типа является их прямолинейное и довольно бесцеремонное отношение к человеческой индивидуальности, люди превращаются для них как бы в алгебраические знаки, предназначенные быть средством для тех или иных, хотя бы весьма возвышенных, целей или объектом для более или менее энергичного, хотя бы и самого благожелательного, воздействия, — отмечал Булгаков. — В области теории черта эта выразится... в игнорировании проблемы индивидуальности» (Булгаков, 1990: 314). Тогдашнего среднего российского интеллигента отталкивал взгляд на личность как на чисто количественную величину. Однако на начальном этапе становления массового общества появление подобного взгляда неизбежно.

Российские народники не случайно ухватились за Маркса. Он подтверждал, что Россия должна любым способом избежать пролетаризации крестьянства. Эта логика находила адептов. Экс-марксист князь В. А. Оболенский указал на по-своему типичный народнический психотип. Так, доктор Д. Н. Жбанков, известный медик, был воспитан на О. Конте, Г. Спенсере, Ч. Дарвине, с одной стороны, Д. И. Писареве и Н. А. Добролюбове — с другой. Все они считались непогрешимыми. «Столь же непогрешимыми он [Жбанков] считал и свои собственные народнические взгляды, — свидетельствовал Оболенский. — Тупая <...> принципиальность этого человека иногда принимала совершенно нелепые формы. Так, например, он считал предосудительным заботиться о своей внешности...» Еще одна характерна деталь: «Будучи членом всех Пироговских съездов врачей, Жбанков всегда выступал на них с трафаретными речами, в которых требовал отмены винной монополии, телесных наказаний

и проводил соответствующие резолюции» (Оболенский, 2017: 210). В общем, Жбанков искренне боролся против конкретных «ужасов капитализма». И на эти поступки его вдохновляло народничество.

Однако пришло время не просто обличительной критики существующих порядков, но и рассудочного, научнообразно-позитивистского бунтарства против властей. Требовался «не бог, не царь и не герой». Следовало ориентироваться на массы. В России опыт интеллигентского поклонения людской массе уже имелся. Народники рассчитывали на общинный коллективизм. Вера в него иссякала. Настала пора переключаться на коллективиста иного рода — промышленный пролетариат.

Российский капитализм не только разорял деревню, но и делал заметные успехи. «Из своих наблюдений над русской деревней я все больше убеждался в правильности марксистских прогнозов в отношении России, — признавался Оболенский. — <...> Я усвоил марксистскую уверенность в том, что Россия, чтобы стать страной социализма, должна предварительно пройти через фазу развития капиталистического прогресса индустриального и сельскохозяйственного и что переход крестьян от общинного к частному землевладению не только влечет за собой повышение культуры, но и в конечном счете приближает Россию к социалистическому строю». Впрочем, Оболенский не считал себя правоверным марксистом, поскольку «никогда не мог признать эволюцию форм производства единственным фактором эволюции человеческих отношений и человеческих идей, как это утверждали марксисты». Оболенский действительно «не принадлежал к типу людей, взгляды которых создаются из увлечения отвлеченными теориями и доктринами». В нем не было идейной стадности разночинцев. Он не страдал умозрительностью, по его собственному признанию, «был плохим “идеологом”», не склонным «видеть в пролетариате какого-то избранника экономического процесса, которому предстояло вести остальное человечество в царство Свободы и Справедливости» (Оболенский, 2017: 221–222). Для него марксизм, как и для многих интеллигентов 1900-х гг., был идейной модой. Да и «служить прогрессу», строго говоря, куда комфортнее, чем «служить народу».

Доктрина Маркса стала духовным искушением для всякого разочарованного в народничестве российского идеалиста. «Социологию Маркса я принял в те годы целиком и совершенно уверовал в пролетариат как строителя будущей цивилизации, — признавался поэт Г. И. Чулков. — Нравилась стройность системы, казалась убедительной начертанная Марксом схема классовый борьбы... Самая фатальность исторического процесса, неуклонно идущего к коллективизму, внушала тот оптимизм, которого так недоставало серой и унылой действительности» (Чулков, 1999: 32).

В наше время в предреволюционный застой почему-то не верят даже люди, пережившие застой брежневский. Чулков не случайно превратился в «мистического анархиста», когда народилось поколение марксистских догматиков от политики. Видный экс-марксист Н. А. Бердяев признавался: «...В марксизме меня более всего пленил историософический размах, широта мировых перспектив... Марксизм конца 90-х годов был, несомненно, процессом европейзации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор» (Бердяев, 1991: 118). Однако скоро ортодоксальные марксисты ударились в схоластику — это отвращало.

До 1900-х гг. в России Маркса в политической социал-демократической интерпретации почти знали; идеи «пионера русского марксизма» Г. В. Плеханова из-за границы доходили с трудом. Общественную значимость марксистские идеи приобрели лишь в связи с появлением в 1894 г. книги П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Строго говоря, вызвала настоящий фурор ее заключительная фраза: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму». Не будь этой фразы, 24-летний критик народничества вряд ли сделал бы себе имя. С этого момента в России развернулась поистине фантасмагоричная борьба «за Маркса», с одной стороны, «против Маркса» — с другой. Позднее, после выхода книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», А. А. Богданов, ставший к тому времени «эмпириомонистом», выразил надежду, что «когда-нибудь найдется историк, который напишет сравнительный анализ стратегии и тактики в войне идеологий, а может и философ-поэт, который в широком, социальном масштабе изобразит “Метаморфозы” борющихся идей...» (Богданов, 2010: 142).

Это сомнительно. Трудно представить, что кому-то захочется продираться сквозь дебри тогдашней схоластики и немногих прозрений, густо опутанных паутиной взаимных «обличений». Достаточно сказать, что сам Богданов, полемизируя с Плехановым, противопоставлял ему... Бельтова (псевдоним того же Плеханова) (Богданов, 2012: 17–18).

На этом фоне и набирала известность фигура Петра Струве. Начав как социал-демократ, сочинивший манифест 1-го съезда РСДРП, он со временем превратился в ведущего автора этапных для либеральной идеологии сборников «Проблемы идеализма» (1903), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918). Этот человек, не лишенный черт природного вундеркинда, со временем вырос в настоящего *enfant terrible* русского либерализма. Его метало из стороны в сторону, пока не занесло правее кадетов. Впрочем, «Вехи», к которым он приложил руку, Богданов назвал «сборником поумневших под кнутом реакции русских либералов» (Богданов, 2010: 143).

Чрезвычайно едкую оценку П. Б. Струве дал Л. Д. Троцкий. По его мнению, тот представлял «олицетворенную беспринципность в политике», будучи «совершенно лишен физической силы мысли». Свидетельство тому — «Критические заметки», представлявшие «эклектическое соединение “критической” философии, вульгаризованного марксизма и подправленного марксизмом мальтузианства». Естественно, такой тип должен был уйти от социал-демократии в «исторически выморочный» русский либерализм с «его неспособностью на инициативу, его отчужденностью от рабочих масс...». Понятно, что ничего иного этот жесткий социал-демократ написать не мог. Более интересным представляется замечание Троцкого о том, что теоретические взгляды Струве «всегда находились в процессе непрерывного линяния» (Тахотский [Троцкий], 1906: 3–4, 7). Впрочем, над «метаниями» Струве не злословил только ленивый. Не замечали, однако, что он оставался при этом младенчески искренним. Уже в эмиграции З. Н. Гиппиус посмеялась над его впадением в православие. Она полагала, что Струве всегда хамелеонствовал в соответствии с модой (Гиппиус, 2016: 737).

Однако все было не столь просто. Нужно иметь в виду, что Струве в юности решительно порвал с родителями (отец был губернатором), хотя был совершенно не приспособленным к жизни болезненным человеком. В итоге он до женитьбы фактически находился на содержании у любовницы старше едва ли не вдвое. Бердяев также принадлежал к верхам общества. Излишне впечатлительный, он страдал нервным тиком. Оба обладали не просто тонкой, но и «истонченной» психикой. Таких во времена повышенной турбулентности обычно «заносит». А это впечатляет людей стадного склада.

В. И. Ленин, поначалу оказавшийся в тени П. Б. Струве, был человеком иного склада. Если болезненный Струве, оказавшись в тюрьме, скоро запросился на волю (что и произошло с помощью «связей»), то Ленин написал в камере фундаментальную работу «Развитие капитализма в России». Когда Струве отошел от социал-демократии, Ленин называл его «Иудой» и «теленком».

Ленин представлял иной психотип. Мемуаристы сходятся в том, что он имел невзрачную наружность. Оболенский утверждал, что он «скорее напоминал приказчика мучного лабаза, чем интеллигента» (Оболенский, 2017: 232). В ноябре 1917 г. один рабочий увидел в нем «похожего на монтера человека»: «костюм его был слишком прост — табачного цвета, на груди висела железная массивная цепь, один штиблет на правой ноге был заштопан, редкие волосы окаймляли его выдвинутый череп, бородка и усы, которые он, очевидно, недавно сбрил, щетинились...» Парадоксально, но больше всего в память наблюдателя врезались «пролетарские вериги» вождя (Булдаков, 2013). Люди видят в своих кумирах то, что хотят видеть, особенно если это взгляд из тол-

пы. Причем со временем неизбежна своеобразная ротация властителей дум (Булдаков, 2010: 409–422).

Все мемуаристы отмечают, что Ленин (как и Маркс) обладал феноменальной памятью. Правда, вряд ли он мог по этой части соревноваться с другим яростным адептом марксизма — Плехановым. А это качество обычно блокирует «полет фантазии» и порождает нетерпимость к инакомыслию. Как уверял Оболенский, Ленин «не принадлежал к числу людей, поражающих силой и оригинальностью мыслей», «мысль его была замкнута в трафарете марксистских идей» (Оболенский, 2017: 233). Это не совсем точно: подобно Марксу, Ленин легко утилизировал чужие догадки, тут же осуждая их носителей за «политику».

Оболенский наблюдал преимущественно выступления Ленина в интеллигентной среде. А здесь «...главное содержание спора, как всегда у марксистов, состояло в талмудическом толковании учения “святых отцов”». В этом Ленин «был виртуозен». Он вел полемику «исключительно неприятно — высокомерно и презрительно, усыпая свою гладко льющуюся речь язвительными и часто грубыми выходками по отношению к противнику». При этом «внешне он казался совершенно спокойным, но его маленькие монгольские глазки становились острыми и злыми» (Оболенский, 2017: 235). Позднее А. А. Богданов, основной конкурент Ленина за идейную гегемонию в российской социал-демократии, назвал ортодоксальный марксизм Ленина «вампиром», который и «превращает вчерашних полезных работников в озлобленных врагов необходимого развития пролетарской мысли». Вместе с тем он заявлял, что «товарищей, попавших во власть злого призрака, мы пожалеем и постараемся вылечить» (Богданов, 2010: 220). Ленин на роль врачевателя людских заблуждений не годился. Их носители становились врагами.

Были в 1890-х — начале 1900-х гг. и другие примечательные типажи, обьявившие себя марксистами. Так, согласно Оболенскому, В. В. Бартенев стал марксистом «еще до появления в столице плеяды молодых марксистских вождей с П. Б. Струве во главе». В университете он был известен как «тихий и кроткий» организатор кружков самообразования, хотя сам оставался «довольно поверхностно образованным юношей» нигилистского склада. Побывав в ссылке, он своих убеждений не изменил, однако «понял, что не создан для революционной деятельности», а потому выбрал стезю... акцизного чиновника (Оболенский, 2017: 229–230).

Постепенно народилась целая генерация «мягкотелых» — на фоне последующих социал-демократов — марксистов, позднее названных Лениным «легальными», не занимавшихся революционной деятельностью. Эта характеристика была заведомо несправедливой несправедливо — будущий вождь

большевизма сам по большей части выступал в «легальном» амплуа. Другое дело, что он представлял действительно революционный психотип, как и его единственный учитель Маркс.

Вера в собственную (и клановую) непогрешимость была в России своего рода болезненной реакцией на официальное единомыслие. Догмы в застойном обществе провоцируют появление новых, не менее догматичных установок сознания. И это до некоторой степени помогает сохранить душевное равновесие целому поколению.

Сам Оболенский был благополучным, психически уравновешенным человеком. Этого нельзя сказать о других тогдашних марксистах. Так, А. М. Стопани был «тяжелодумом, трудно усваивавшим новые мысли, но, раз усвоив их, упрямо их сохранял и отстаивал даже против очевидности». По мнению Оболенского, он был «типичным марксистом-сектантом, ограниченным и узким». Вместе с тем он отличался от остальных «исключительной душевной мягкостью и добротой, соединенной с какой-то детской чистотой и наивностью». Говорили, что Ленин называл его «наша итальянская дура» (Оболенский, 2017: 228–229). Видно, что свою «армию» Ленин набирал из людей, не способных составить ему конкуренцию.

Марксисты разного рода стали плодиться не только в столицах. В Орле одним из заметных социал-демократов был Е. Н. Колышкевич — с виду малопривлекательный «идейный аскет». Он смотрел на мир «сквозь марксистскую призму, и казалось, для него ничего, кроме марксистской философии и марксистской практики, не существовало». Вместе с тем этот «сухой и аскетический, по виду некрасивый человек» пользовался успехом у женщин. Как видно, в своем социуме он смог занять нишу лидера. Со временем, отказавшись от марксизма, и он превратился в «нормального» интеллигента, потянувшегося к кадетам (Оболенский, 2017: 257–258).

Всякая застойная среда порождает особо острый «конфликт отцов и детей». Так было и с первыми российскими марксистами. Так, Н. Ф. Лопатин происходил из купеческой семьи и даже унаследовал солидный капитал. Был исключен за неблагонадежность из Петровской академии, отправился учиться в Берлин, но и там попал в тюрьму. Как утверждал Оболенский, «он имел все данные, чтобы выдвинуться в первые ряды русской интеллигенции, но этому мешала какая-то присущая ему внутренняя раздвоенность». Он был словно соткан из противоречий. Так, «он с упорством маньяка себя принижал, страстный и властный по натуре, заставлял себя быть кротким и даже сладким, склонным к мистике — тренировал себя в стопроцентном материализме». Порой на него нападали «припадки злобы и бешенства». При этом был преисполнен «органической ненависти к господствующим классам —

дворянству и буржуазии, но по натуре он все же оставался купцом-самодуром» (Оболенский, 2017: 227–228).

Феномен Ленина мог и не состояться, не разразись Первая мировая война. Будущий вождь «воскрес» из эмигрантского небытия на волне солдатского бунта. К Марксу это имело весьма отдаленное отношение. Оболенский вновь увидел Ленина спустя много лет, «когда в 1917 году он произносил отвратительно-демагогическую речь с балкона особняка Кшесинской» (Оболенский, 2017: 237). Однако слушатели выхватывали из его речей невероятный заряд ненависти, передаваемый, что примечательно, деловым, обыденным тоном. Ими двигала не столько ненависть к призрачной буржуазии, сколько напор внутренней агрессии, аккумулированной буржуазным прогрессом.

Сегодня очевидно, что в России провалились и марксисты, и народники, и осторожные либералы — так бывает со всеми доктринерами в переломное время. Разъяренные и раздраженные позитивисты исходили из единственной видимой тенденции общественного развития, тогда как траектория движения истории всегда складывается из болезненного переплетения прорывов и откатов, прозрений и заблуждений, «торжества разума» и «рева племени». Но тогда люди не верили в возможность попятных движений, не сознавая, что человек по своей природе «прогрессист» ровно в той степени, которая позволяет ему чувствовать себя комфортно внутри привычной традиции. Они по-манихейски разделяли общественное сознание на прогрессивное и реакционное. Между тем человек обречен на существование внутри традиции, задающей смыслы истории вопреки любым идеологам.

Лидеры революции привносили в массовое движение нерассуждающую подражательность. Она соединялась со стадным духом возбужденных толп. Квазирелигиозное вторжение марксизма в Россию было не одномоментным актом, а волнообразным процессом (Булдаков, 2009). Моменты утопической психопатии были особенно заметны в 1917 г. Им были подвержены скученные, малообразованные, духовно нивелированные тяжелым и изнурительным физическим трудом и, главное, бесперспективностью привычного бытия социальные низы. Именно в это время аристократка А. М. Коллонтай на митинге-концерте легко переплюнула «благоразумных» ораторов. «Товарищи, — возопила она с трибуны, — <...> вам твердят ежедневно: солдаты — в окопы, рабочие — к станкам!.. А буржуазия? А помещики?.. Помещики — на покой в свои усадьбы! А буржуазия — к своим награбленным сундукам!..» (Суханов, 1991: 97). По-видимому, лозунг «Грабь награбленное!» (парафраз марксистского «экспроприация экспроприаторов») не изобрел Ленин — он рождался стихийно. Уловив это, Ленин призывал «учиться у масс». Сходным образом Троцкий зажигал аудиторию призывами о дележе имущества, вплоть

до шуб и сапог, заставлял толпу клясться, что она пойдет на любые жертвы ради идеала мира и тотальной уравниловки (Суханов, 1992: 292–293). Такую манеру копировали очень многие — и не только рядовые большевики и анархо-синдикалисты.

Все это тоже было замечено. «Русские бунтари 1917 года выступили под знаменем марксизма, но их тактика и даже ближайшая их программа вовсе не совпадала с идеями научного социализма: они предали забвению все предпосылки социального историзма и, подобно Бакунину, опираясь на темные непросвещенные массы, стремились ввергнуть страну во все случайности анархии со странную надеждою выплыть в океане бушующего строя “без руля и без ветрил”...» (Чулков, 2017: 29). Сегодня, когда исследователи изучают возможности «нелинейного прогнозирования», сентенции Чулкова кажутся наивными. Ленин мог до бесконечности заклинать, что «учение Маркса всесильно, потому что верно», но в 1917 г. он действовал по законам социально-революционной синергетики — сложноорганизованная система возрождается в результате тотальной перетряски.

Кстати сказать, большевистское руководство в 1917 г. было много догматичнее Ленина, склоняясь порой к наиболее примитивной интерпретации Маркса. То ли по иронии истории, то ли по намеку судьбы руководящая роль на VI съезде большевистской партии в отсутствие Ленина досталась Сталину. Трудно вообразить, что творилось в мозгах будущего диктатора, но тогда этот вечно выжидающий человек провалился в роли теоретика. Набившие оскомину высказывания («война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер», а потому «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму») (Шестой съезд РСДРП (большевиков), 1958: 111, 143, 250), никак не устраивали делегатов, надеявшихся (по Марксу) на помощь мировой революции.

Куда более гибко подгонял идеи Маркса к России Троцкий. «Марксизм считает себя сознательным выражением бессознательного процесса, — утверждал он. — ...Высшее теоретическое сознание эпохи сливается... с непосредственным действием наиболее... удаленных от теории угнетенных масс. Творческое соединение сознания с бессознательным есть то, что называют обычно вдохновением. Революция есть неистовое вдохновение истории» (Троцкий, 1990: 56).

Уже после революции Бердяев отмечал такие религиозные черты марксизма: «строгая догматическая система, несмотря на практическую гибкость, разделение на ортодоксию и ересь, неизменяемость философии науки, священное писание Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, которое... не может быть... подвергнуто сомнению; разделение мира на две части — верующих —

верных и неверующих — неверных; иерархически организованная коммунистическая церковь с директивами сверху; ...тоталитаризм, свойственный лишь религиям; фанатизм верующих; отлучение и расстрел еретиков; недопущение секуляризации внутри коллектива верующих; признание первородного греха (эксплуатации)» (Бердяев, 1990: 305). Действительно, большевикам (как некогда народникам) марксизм помог придать старому строю inferнальные черты, социальному насилию — сакрально-жертвенное качество, а его революционным плодам — облик «великого свершения». Массам, в свою очередь, марксизм позволил сформировать образ врага — аналога нечистой силы в лице «буржуазии», а затем «мирового империализма».

Время способно вылечить от ментальных болезней смутных времен, хотя далеко не всех и не в полной мере. Со временем «прогрессист» Струве несколько прозрел — талант не спрячешь. Он писал, что Октябрьскую революцию следовало бы сравнивать со Смутой XVII в. (Струве, 1921: 32–33). Стоит прислушаться и к его сподвижнику С. Л. Франку, полагавшему, что «русская революция по своему основному, подземному социальному существу есть восстание крестьянства, победоносная и до конца осуществленная всероссийская пугачевщина» (Франк, 1972: 8). Русской революцией управляла синергетика традиционного бунтарства. Но в эту простую истину трудно поверить, ибо несколько поколений исследователей мыслили во все той же «прогрессистской» парадигме.

Как бы то ни было, сделавшись подобием светской религии, марксизм стал неуязвим для чисто научной критики. В результате все исследователи уже более 100 лет разделяют Маркса-экономиста и Маркса-утописта, искренне или ханжески восхищаясь первым и смущенно опуская глаза перед вторым. Всякая вера или может иссякнуть под влиянием жизненных обстоятельств, или окажется вытесненной другой верой. Идеологам марксизма со временем суждено было измельчать. В советское время они превратились в беспомощных «попов марксистского прихода», неспособных бороться за души верующих. Но времена меняются. И потому лидер КПРФ Г. А. Зюганов не без успеха твердит, что первым коммунистом был Иисус Христос, а «Моральный кодекс строителя коммунизма» — своего рода развитие Нагорной проповеди. На деле в изначальном марксистском этосе не было ни грана гуманистического солидаризма, да и «интернационалист» Маркс оставался не только европейским гегемонистом, но и немецким националистом. Марксизм-то мельчает, но реактивируется. Во всяком случае, учение Маркса не помогло германским социалистам и коммунистам противостоять ни германскому милитаризму, ни примордиалистским силам национализма, обернувшимся нацизмом. Идеи слабы перед разгулом человеческих страстей,

всякий раз оживающих в переломные моменты истории. Но они способны провоцировать такие страсти.

Давно отвергнутый *теоретически* марксизм оказался живуч. Почему? Ответ надо искать не только в особенностях доктрины, а в специфике мировосприятия людей той или иной эпохи. Давно подмечено, что европейская историософская традиция эпистемологически базируется на рационализме, формы которого, в свою очередь, эволюционируют от признания абсолютности «высшего» знания через его комментарий (Фуко, 1977). Отсюда непреходящая исследовательская склонность к позитивизму и эмпиризму. Это заметно и в наше время в России — отсюда, в частности, рецидивы экономического детерминизма. Попросту говоря, марксизмом может соблазниться и ученый-схоласт, и обыватель, твердо уверенный, что завтра будет лучше, чем вчера. Неслучайно И. В. Сталин в свое время столь старательно манипулировал с плановыми показателями пятилеток строителей социализма. И эту эстафету подхватил Н. С. Хрущев, вздумавший к 1980 г. допрыгнуть до вождя коммунизма. Причем провал его затеи ничуть не поколебал веры в марксизм. Напротив, неудача была отнесена к разряду персональных нелепостей.

Вопрос о живучести марксизма в СССР не следует сводить к насильственному навязыванию или конформистскому восприятию «монистического» взгляда на историю. Советский «марксизм» вырос из «чуда» революции. Ситуацию можно сопоставить с изумлением людей, сотворивших то, что по прежним представлениям казалось невероятным. В связи с этим уверовать в непорочность марксистского учения было нетрудно.

Нет ничего удивительного в том, что когда в Западной Европе марксизм обернулся социал-демократией, в России он был воспринят в качестве тотальной антитезы всему «чужому». Именно такое понимание Маркса было усвоено большевизмом; пресловутая «диалектика» позволяла небрежно игнорировать стороны учения, которые не согласовались с эмпирикой. Наука в сочетании с утопией открывает бесконечные возможности для самообмана. Аморфность российского общества, слабость реальных гражданских структур, своего рода «когнитивное рабство» элит придали большевистской революции и последовавшей за ней Гражданской войне отнюдь не марксистский характер.

Вместе с тем марксизм обладает еще одной особенностью. Так называемая «формационная теория» дает человеку ограниченных способностей шанс почувствовать себя «всезнайкой». Используя эту психологическую зависимость, можно изменить не только образ мысли, но и поведенческие установки целых поколений. «Избавляясь от марксизма-ленинизма, они думали, что избав-

ляются от самого Маркса. Но это не так-то просто. Выпроводишь Маркса в дверь, а он грозит пролезть в окно, — отмечает И. Валлерстайн. — Ибо Маркс не исчерпал своего политического значения и своего интеллектуального потенциала (как раз наоборот)» (Валлерстайн, 2018: 210).

Это справедливо. Марксизм как радикально-утопическая доктрина, способная мимикрировать соответственно меняющейся действительности, неистребим — тем более что современность, словно в насмешку, дает людям и образование, и время для размышления, и пищу для недовольства, лишая их при этом онтологического выбора.

Литература

- Богданов А. А. (2016). Из психологии общества. Изд. 3-е. М.: ЛЕНАНД.
- Богданов А. А. (2012). Приключения одной философской школы: Poleмические заметки о Г. В. Плеханове и его школе. Изд. 2-е. М.: URSS, ЛИБРОКОМ.
- Булгаков С. Н. (1990). Карл Маркс как религиозный тип (Его отношение к религии человека Л. Фейербаха) // Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука.
- Булдаков В. П. (2009). Вторжение марксизма в Россию: Акт первый // Леонид Михайлович Иванов. Личность и научное наследие историка. Сборник статей к 100-летию со дня рождения. М.: РОССПЭН. С. 182–200.
- Булдаков В. П. (2010). Красная смута, природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН.
- Булдаков В. П. (2001). Похожий на монтера человек. Ленин как маг-повелитель перепуганных людей // Независимая газета. 26 апреля.
- Валлерстайн И. (2018). После либерализма. М.: URSS: Ленанд.
- Гиппиус З. Н. (2016). «Православный» Струве // Консерватизм: pro et contra. Антология / Сост., вступ. статья, коммент. А. Я. Кожурина; ред. предисл. А. А. Сеницына. СПб.: РХГА.
- Зибер Н. И. (1937). Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. М.: Соцэкгиз.
- Нисбет Р. (2007). Прогресс: история идеи. М.: ИРИ СЭН.
- Оболенский В. А. (2017). Моя жизнь и мои современники: Воспоминания. 1869–1920: в 2 т. Т. 1. М.: Кучково поле; Ретроспектива.
- Струве П. (1921). Размышления о русской революции. София: Российско-болгарское книгоиздательство.
- Суханов Н. Н. (1991). Записки о революции. Т. 2. М.: Издательство политической литературы.
- Тахотский [Троцкий] Л. (1906). Господин Петр Струве в политике. СПб.: Новый мир.
- Троцкий Л. Д. (1990). Моя жизнь. Т. 2. М.: Книга.
- Чулков Г. И. (1917). Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М.: Московская просветительская комиссия.
- Чулков Г. И. (1999). Годы странствий. М.: Эллис Лак.

- Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. 1958. М.: Политиздат.
- Франк С. (1972). По ту сторону «правого» и «левого». Париж: YMCA-press.
- Фуко М. (1977). Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс.
- Фюре Ф. (1998). Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem.
- Юшкевич П. С. (1912). Мировоззрение и мировоззрения (очерки и характеристики). СПб.: Карбасников.

References

- Bogdanov A. A. (2016). Iz psihologii obshchestva. Izd. 3-e. M.: LENAND.
- Bogdanov A. A. (2012). Prikladyeniya odnoj filosofskoj shkoly: Polemicheskie zametki o G. V. Plekhanove i ego shkole. Izd. 2-e. M.: URSS, LIBROKOM.
- Bulgakov S. N. (1990). Karl Marks kak religioznyj tip (Ego otnoshenie k religii chelovekoboziya L. Fejrbaha) // *Bulgakov S. N. Filosofiya hozyajstva*. M.: Nauka.
- Buldakov V. P. (2009). Vtorzhenie marksizma v Rossiyu: Akt pervyj // Leonid Mihajlovich Ivanov. Lichnost' i nauchnoe nasledie istorika. Sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya. M.: ROSSPEN. S. 182–200.
- Buldakov V. P. (2010). Krasnaya smuta, priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. M.: ROSSPEN.
- Buldakov V. P. (2001). Pohozhij na montera chelovek. Lenin kak mag-povelitel' perezugannyh lyudej // *Nezavisimaya gazeta*. 26 aprelya.
- Chulkov G. I. (1917). Mihail Bakunin i buntari 1917 goda. M.: Moskovskaya prosvetitel'skaya komissiya.
- Chulkov G. I. (1999). Gody stranstvij. M.: Ellis Lak.
- Frank S. (1972). Po tu storonu «pravogo» i «levogo». Parizh: YMCA-press.
- Fuko M. (1977). Slova i veshchi: Arheologiya gumanitarnyh nauk. M.: Progress.
- Fyure F. (1998). Proshloe odnoj illyuzii. M.: Ad Marginem.
- Gippius Z. N. (2016). «Pravoslavnyj» Struve // *Konservatizm: pro et contra*. Antologiya / Sost., vstup. stat'ya, komment. A. Ya. Kozhurina; red. predisl. A. A. Sinicya. SPb.: RHGA.
- Nisbet R. (2007). Progress: istoriya idei. M.: IRI SEN.
- Obolenskij V. A. (2017). Moya zhizn' i moi sovremenniki: Vospominaniya. 1869–1920: v 2 t. T. 1. M.: Kuchkovo pole; Retrospektiva.
- Struve P. (1921). Razmyshleniya o russkoj revolyucii. Sofiya: Rossijsko-bolgarskoe knigoizdatel'stvo.
- Suhanov N. N. (1991). Zapiski o revolyucii. T. 2. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Tahotskij [Trockij] L. (1906). Gospodin Petr Struve v politike. SPb.: Novyj mir.
- Trockij L. D. (1990). Moya zhizn'. T. 2. M.: Kniga.
- Shestoj s'ezd RSDRP (bol'shevikov). Avgust 1917 goda. Protokoly. 1958. M.: Politizdat.
- Vallerstajin I. (2018). Posle liberalizma. M.: URSS: Lenand.
- Yushkevich P. S. (1912). Mirovozzrenie i mirovozzreniya (ocherki i harakteristiki). SPb.: Karbasnikov.
- Ziber N. I. (1937). David Rikardo i Karl Marks v ih obshchestvenno-ekonomicheskikh issledovaniyah. M.: Socekfiz.